

В издательстве "Музыка" в серии "Диалоги об искусстве" выходит книга "Это было" (Тихон Хренников о времени и о себе). Диалоги с Хренниковым вела и тексты обработала главный редактор издательства "Музыка" Валентина Рубцова.

Фрагменты этой книги, с любезного разрешения авторов, мы предлагаем нашим читателям.

Кто за то, чтобы... (Принято единогласно)

А теперь о том, что касается событий 1948 года.

[...] В Большом театре поставили оперу Мурадели "Великая дружба". Я присутствовал на премьере оперы. Она была слабая, драматургически неинтересная. Никакого там, конечно, формализма не было: опера — я бы сказал — была просто примитивна. И вдруг...

Я тогда работал в Рузе. В один прекрасный день всех, кто как я, находился в Рузе, позвали на совещание в Центральный Комитет партии. Это была прембула к постановлению 1948 года о музыке — совещание деятелей советской музыки, на котором выступил Жданов. [...]

На совещании присутствовали все крупнейшие композиторы — и Прокофьев, и Шостакович, и Мясковский, и другие. Первым выступил Жданов. Доклад его был очень интересным. Кстати говоря, доклад он не читал. Это в более поздние времена нас приучили к тому, что доклад обязательно должен быть писан и читан по бумажке. На фоне же старой интеллигентии, которая еще сохранилась в 40-е годы, выступление на бумажке высокого чиновника, ведающего вопросами культуры, было недопустимо. Особенно если этот чиновник стремился расположить к себе деятелей искусства.

В деятельности Жданова, конечно, много было негативного, особенно в том, что касается его выступлений по поводу А. Ахматовой и М. Зощенко. Жданов был человек своего времени, проводил сталинскую политику. По-видимому, был человеком очень жестким. Но справедливости ради надо сказать, что он был талантлив. И доклад сделал очень темпераментный. Вероятно, у него были какие-то тезисы, записки, но он их не читал. Когда речь дошла до высказываний Серова и Стасова, он попытался отыскать выписки, но потом махнул рукой и проигнорировал на память.

Когда Жданов кончил доклад, ему аплодировали все, кто сидел в зале: и Шостакович, и Прокофьев (сидел позади Прокофьева), и другие. Аплодисменты были долгие, очень долгие и единодушные. И многие музыканты искренне разделяли положения доклада.

Совершенно секретно

Я старый музыкант, но я никогда не замыкался в рамках узкого жанра: я люблю Баха, Бетховена, Шопена, но я с радостью слушаю и гениальные вальсы Штрауса. [...] Когда я слушаю грающие фальшивые сочетания современных симфоний и сочиняю, я с ужасом чувствую, страшно сказать, что этим звукам более свойственно выражать идеологию вырождающейся культуры Запада, вплоть до фашизма, чем здоровую природу русского советского человека.

Докладная записка проф. А. Б. Гольденвейзера [А.А. Жданову].

Доклад Жданова известен, он был напечатан, не буду его повторять. По поводу доклада потом ходило немало небылиц. Как-то в руки мне попались мемуары одного из наших известных писателей. Перелистал книгу и вдруг попал на то место, где автор пишет, что, по рассказам, на сопещении музыкальных деятелей Жданов сядет за рояль и покажет Прокофьеву и Шостаковичу, как им надо сочинять музыку и т.д. Признается, мне стало стыдно, когда я прочитал эту сказку. В ЦК никогда не было инструмента и уж по этой причине Жданов никак не мог сесть за инструмент. Это был зал заседаний ЦК, в котором, как помнят очевидцы, музыкальные инструменты не водились.

Еще одно соображение. Конечно, Жданов был человеком очень самоуверенным, но не настолько, чтобы играть в присутствии целой советской музыки. Ведь в зале сидели выдающиеся музыканты! Рассказывают, что где-то, когда-то на каких-то вечерах и сборищах Жданов действительно любил садиться за инструмент и играл вальсы. Под эти вальсики танцевали высокие лица. Но не более.

Итак, выступление Жданова было встречено единодушным сквалом аплодисментов. [...]

Я тоже выступал на этом совещании. Говорил что-то в основном о молодежи. Во всяком случае, не думал, что после этого разыграются такие серьезные события. После совещания уехал в Рузу, потом вернулся в Москву.

И вот однажды, в одиннадцать часов ночи мне звонят из ЦК и просят немедленно приехать туда. Работа в ЦК по ночам, как известно, в то время было нормой. Моя жена Клара страшно забеспокоилась. Однако делать нечего, надо ехать. Знали от имени Д. Шепилова, который был тогда заместителем начальника агитпропа ЦК.

Приехал. Вижу в приемной Голованова, Свешникова, Арама Хачатурина, кого-то еще. Спрашиваю: зачем пригласили? Никто ничего не знает. Первым вывали в кабинет к Шепилову Хачатурина. Он вышел оттуда очень расстроенный, подошел ко мне:

— Я тебя поздравляю.
— С чем ты меня поздравляешь?
— Сейчас узнаешь.

Попрошало со всеми и уехал домой.

Потом вывали Голованов. Через некоторое время Голованов вышел и сказал, что его опять назначили художественным руководителем Большого театра вместо Самосуда. Потом пригласили Свешникова. Через некоторое время он вышел оттуда. Спрашиваю:

— Что там такое?
— Вот, — говорит, — меня назначили ректором консерватории, Шебалина отстранили.

— А кто назначает и отстраниет?

— Зачитывают приказ Сталина.

Последним пригласили меня. Шепилов протягивает бумагу и говорит:

— Вот, прочитай.

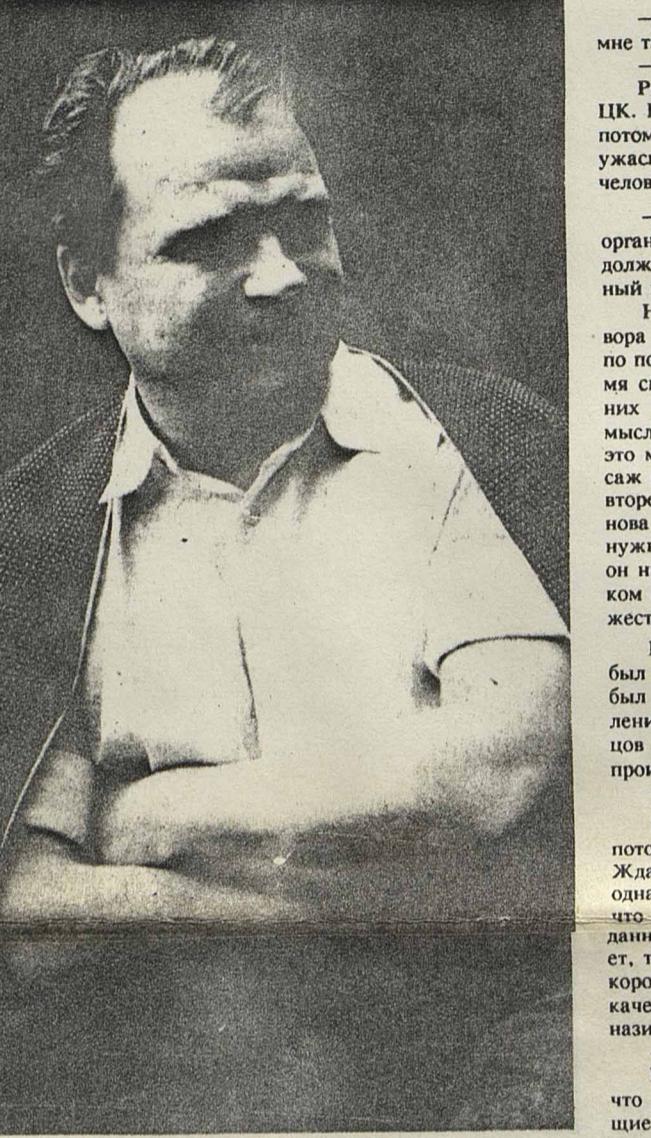
Читал распоряжение, подписанное Сталиным, где написано о том, что Председатель Оргкомитета Глиэр и его заместитель Хачатурина отстранены от работы в этом комитете. Председателем назначить Асафьеву, Генеральным секретарем

ТАК ЭТО БЫЛО

Тихон Хренников о времени и о себе

(глава из новой книги)

Муз. обозрение. — 1994. — № 7-8 (14-15).

Через некоторое время меня к себе пригласил Жданов.

разница в этой горечи. У того, кого критиковали, она с годами оседала, у того, кто критиковал, — густела и крепчала.

В том — величайшее историческое значение этих замечательных документов, которые мы должны глубоко изучать и к которым мы будем вновь и вновь обращаться в нашей творческой деятельности.

Доклад Б. Асафьева.

Имя Сталина также возникало каждый раз, когда заходила речь о каких-либо серьезных вопросах или общих проблемах, что типично, как известно, в целом для той эпохи.

Думало, что могу не рассказывать подробно о съезде. Есть материалы. Они известны. В конце концов состоялся съезд с тайным голосованием Правления Союза композиторов СССР, а на следующий день первый пленум нового Правления. Здесь меня выбрали Генеральным секретарем Союза композиторов. Председателем Союза был избран Асафьев.

Выступающих было довольно много. Говорили о разных проблемах. Естественно, когда собирались люди из разных городов, республик, возникло желание рассказать о работе своих творческих организаций, кто-то делился сообщениями о достижениях и старался не забыть о самокритике. Говорили о том, что думают, и о том, над чем надлежит думать.

Совершенно секретно

Выражено мнение всей организации Союза композиторов и передовой музыкальной общественности, [...] Секретариат Союза композиторов считает необходимым, на основании положений Устава Союза музыковедов А.С. Оголевца и С.И. Шлифштейна, являющихся членами апологетами формалистического направления в советской музыке, в частности, не приводивших како-либо жалоб на действительную перестройку в духе указаний ЦК ВКП(б) о музыке, к коренному изменению своего общественного лица как музыкальных деятелей советской творческой организации.

Чулаки М. [Письмо] Г.М. Маленкову 29 мая 1949 г.

Секретно

В мае Секретариат Союза советских композиторов СССР представил в Центральный Комитет ВКП(б) свои соображения о дальнейшем пребывании в Союзе советских композиторов музыковедов А.С. Оголевца и С.И. Шлифштейна.

Несмотря на то что Оголевец и Шлифштейн были выявлены как наиболее яркие представители космополитизма, как апологеты формалистического направления в советской музыке и музыкальной теории, Секретариат Союза советских композиторов, в настороженное время, считал бы возможным пока не ставить вопроса об исключении их из рядов нашей творческой организации. Секретариат Союза рассчитывает на то, что в результате выступлений газет "Правда" и "Культура и жизнь" и общественного воздействия Союза композиторов Оголевец и Шлифштейн сумеют перестроиться и принять участие в общей нашей работе над осуществлением исторических решений ЦК ВКП(б) о музыке.

Хренников Т. [Письмо] Г.М. Маленкову. 13 сентября 1949 г.

Поскольку в это время композиторская организация оказалась в центре внимания общественности и органов, ведавших вопросами культуры и культуры, оттуда же периодически исходили "инициативы". Они могли возникнуть в связи с письмом какого-нибудь колхозника или рабочего, возмущавшегося самим фактом существования музыкантов-формалистов на советской земле. Молниеносно письмо от посла "заговора молчания" формалистов. Такое письмо от имени ленинградской делегации было оглашено 23-го апреля и вызвало сочувственные отклики в зале.

Ильинцев Л., Докладная записка секретарем ЦК ВКП(б) Жданову А.А., Кузнецовой А.А., Сусловой М.А., Попову Г.М.

С этого момента я исполнил свою обязанности уже не по приказу Сталина, а на основе высказанного съездом решения.

На съезде и после него я оказался в двойственном положении. С одной стороны, критикуемый Арам Хачатуров — мой друг, Мурадели — также мой друг. Шостакович относился ко мне великодушно, я же к нему — с огромным почтением.

У Прокофьева я занималась, и вообще он был для меня в музыке богом. И вот теперь другая сторона: на съезде мне приходится читать доклад, где звучит многократно резкая критика в их адрес.

Формалисты крепко внедрился в сознание Шостаковича, Прокофьева и ряда других видных композиторов.

Доклад Генерального секретаря Союза советских композиторов Т. Хренникова "Гриппа" лет советской музыки и задачи советских композиторов".

Доклад был написан не мною, но от этого мне не было легче ни тогда, ни сейчас. Написала доклад группа лиц. Из них некоторые живы и погибли. Я не хочу называть их фамилии. В основном написанием доклада руководил Ярустовский. Международную часть доклада писали В. Городинский, С. Шлифштейн, еще кто-то.

Что касается международной части, то это разговор особый. Мы были в то время настолько оторваны от международной музикальной жизни, что сейчас это до конца понята и представить невозможно. Не было никакого общения. Была самая настоящая глухая стена между нашим музыкальным искусством и искусством Запада. Мы почти не знали, что делается за рубежом, информации никакой не было. Уже потом, когда в пятидесятые годы я на практике начал вникать в международные музикальные дела, мне стало ясно, какая кучка была написана в этом докладе о мировой музыкальной культуре.

Комитет по делам искусств установил, что музыковеды И. Балза, Л. Мазель, И. Мартынов, Д. Житомирский, Г. Шнеерсон, С. Шлифштейн на протяжении ряда лет в печасти и в публичных лекциях пропагандировали "иене" современного упаднического буржуазного музикознания, проповедовали низкокультурное перед разлагавшейся буржуазной культурой, умаляли роль и значение русской классической музыки, систематически пропагандировали формалистическое направление и т.д. Комитет по делам искусств считал, что музикознание и философия, привнесенные в культуру советской музыки, были виновны в том, что в результате выступлений газет "Правда" и "Культура и жизнь" и общественного воздействия Союза композиторов были вынуждены покинуть ряды Союза советских композиторов.

Документ был написан не мною, но от этого мне не было легче ни тогда, ни сейчас. Написала доклад группа лиц. Из них некоторые живы и погибли. Я не хочу называть их фамилии. В основном написанием доклада руководил Ярустовский. Международную часть доклада писали В. Городинский, С. Шлифштейн, еще кто-то.

Что касается международной части, то это разговор особый. Мы были в то время настолько оторваны от международной музикальной жизни, что сейчас это до конца понята и представить невозможно. Не было никакого общения. Была самая настоящая глухая стена между нашим музыкальным искусством и искусством Запада. Мы почти не знали, что делается за рубежом, информации никакой не было. Уже потом, когда в пятидесятые годы я на практике начал вникать в международные музикальные дела, мне стало ясно, какая кучка была написана в этом докладе о мировой музыкальной культуре.

Известно, что Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля вызвало множество откликов в буржуазной прессе Западной Европы и Америки.

В огромном большинстве случаев эти "комментарии" иностранной прессы носят непрекращающийся характер. Постановление ЦК ВКП(б) задело за живое буржуазных формалистов в музыке, и в бессильной ярости множества из них пытаясь отыскать ярчайшую цензуру, что ее положительно и небрежно было бы судить троих из них, остальные же должны физически разрушить в ходе суда в качестве свидетелей во время доказательства.

Но приходилось читать письма даже в ЦК по поводу того, что он не может быть издан.

Продолжение буржуазные писаки недовольны критикой формализма. Их приводят в бессильное бешенство честный и открыто выраженный боевой демократизм нашей эстетики, ее истинной и высокой народности.

Секретно

Ни в одной области у нас нет такого нездорового положения с критикой, как в музыке. Группировка, теоретически разработавшая, укрывавшая космополитизм и формализм, беспричинность, интригантство — это что характеризует в значительной мере нынешнее состояние музикознания, пропагандистов, пропагандировавших в духе буржуазного музикознания, пропагандировавших в духе буржуазной культуры, стоящие на ее границе.

Я много раз и тогда и сейчас размышлял о той двойственности своего положения, о которой я только что сказал и в которой я попал в результат событий 1948 года, обреченный на меня счастья задача готовить съезд композиторов. Конечно, я его готовил не самолично, были в нашей среде и идеологи, и советники, и старшие товарищи, и активисты, и просто люди, честно верящие в объективность и в разумную необходимость развивающихся событий. Кстати сказать, Председатель Оргкомитета советских композиторов, как я говорил, тогда уже был академик Б.А. Асафьев, его доклад открыл съезд. Асафьев, правда, был болен, и текст читал В. Власов. На съезде было пятьдесят делегатов, избран большей Президиумом, куда входили как члены нашей композиторской организации (Асафьев, Глиэр, Глазунов, Чулаков, Жиганов и др.), так и видные музыканты (Головин, Самодуров, Пазовский, Гнесина), смежных искусств. От Союза писателей — Фадеев, Симонов, Борис Гребенщиков; от Союза художников — Герасимов, Мухина; от Всероссийского театрального общества — Яблочкина. Были и сановники разных рангов — Шепилов, например, и еще многие другие.

Съезд состоялся в апреле 1948 года и открылся с большой торжественностью.

Следом за Хачатурианом ко мне стали приходить люди, предлагавшие помочь. Одним из первых пришел Алексей Александрович Иконников, за них еще многие. И все же не вероятно трудно было понять, что же мне предстоит делать. Потом постепенно как-то сложилось. Первым делом я сменил секретариата. Это был верный шаг — эта секретарем Тихоном Хренниковым.

С трибуны Съезда мы будем говорить перед лицом всего мира, отстаивая лучшие традиции русской и западноевропейской музыки.

Секретно

В течении долгих лет мне довелось вести не примириимую борьбу с космополитами, носителями "идей" аточальности и буржуазного распада музыки: Мазелем, Рыжкими, Житомирским, Шлифштейном, более широке с целой группой, организационно и "приятельски" сплошной, вросшей в нашу культуру ее кафрово-точностными методами. [...] они были опорочены и разоблачены именно той борьбой в духе "отца народов", как тогда говорили. В этом смысле партия — это ее идеалом и идеям партии, в преддании вождю партии — это ее идеалом и идеям партии.

Сократы Сократом [...] основ